

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

И Н С Т И Т У Т В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

С О В Е Т С К О Е
В О С Т О К О В Е Д Е Н И Е

I

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1940 ЛЕНИНГРАД

А. К. БОРОВКОВ

АЛИШЕР НАВОИ

(к 500-летию со дня рождения)

Творчество великих писателей и ученых прошлого входит в золотой фонд советской культуры. Советская страна ценит таланты, бережно отбирает все лучшее и прогрессивное из культурного наследия народов Советского Союза. К числу великих писателей прошлого, которыми по праву гордится наша страна, принадлежит и узбекский писатель Низам-эд-дин Алишер, с поэтическим прозвищем Навои.¹

Алишер Навои родился в Герате 9 февраля 1441 г. и умер 3 января 1501 г.² По своему происхождению Алишер Навои принадлежал к тимуридской служилой аристократии: отец его Гияс-ад-дин Кичкине при тимуриде Абу-л-Касиме Бабуре был правителем города Себзеvara. Биографы Алишера Навои утверждают, что он был школьным товарищем тимурида Султан-Хусейна, правителя Хорасана и известного поэта, при дворе которого Алишер провел большую часть своей жизни. Знаменитый современник Алишера Навои, султан Захир-ад-дин Бабур, писал о нем, что в первый период своей деятельности при дворе Султан-Хусейна он был мухрдаром — хранителем печати, в средний период был беком и несколько раз правителем в Астрабаде, а в последний период отказался от административной деятельности, ничего не получал от мирзы Султан-Хусейна и, напротив, сам ежегодно подносил мирзе дорогие подарки.³

Распространенная легенда о том что Алишер Навои тяготился административными обязанностями, при первой возможности отошел от политической жизни и вел жизнь отшельника, опровергнута новейшими исследованиями.⁴ Он стоял в центре политической жизни страны и был виднейшим сановником при Султан-Хусейне.

После смерти Тимура огромная империя этого завоевателя распалась на уделы. При жизни Алишера Навои продолжалась ожесточенная борьба за власть между потомками Тимура. Когда умер младший сын Тимура, Шахрух, из-за начавшейся смуты отец Алишера Навои принужден был бежать с семьей из Хорасана в Иран, после чего он поступил на службу

¹ Нет нужды входить в обсуждение вопроса о национальной принадлежности Алишера Навои, которого пытаются выдать подчас за «тюрка вообще». Исторически именно узбекский народ является преемником культурного наследия Алишера Навои.

² Дата рождения установлена А. А. Семеновым, см. «Литература и искусство Узбекистана», кн. 2 (Ташкент, 1938, стр. 124).

³ The Babar-nama, ed. Beveridge. GMS, I, London, 1905, стр. 171.

⁴ В. В. Бартольд. Мир-Али-Шир и политическая жизнь. Сб. «Мир-Али-Шир», Л., 1928, стр. 100 и сл.

к султану Абу-л-Касиму Бабуру, при котором находился и юный Алишер Навои до смерти султана. Когда власть в Хорасане захватил султан Абу-Са'ид, Алишер Навои продолжал прерванное образование сначала в Мешхеде, затем в Герате и, наконец, в Самарканде, куда он был сослан новым правителем Хорасана Абу-Са'идом.¹ В 1468 г. Абу-Са'ид погиб и власть перешла к Султан-Хусейну. Алишер Навои вернулся в Герат и оставался здесь до конца своей жизни.

Герат времени Навои был культурным центром для всей Средней Азии. В блестящей столице Тимура и его внука Улугбека — Самарканде — в этот период фактически правил духовный феодал — шейх дервишского ордена накшбендиев Ходжа Ахрар, ярый враг образования и культуры. В Герате же были сосредоточены выдающиеся ученые и поэты. «Другого такого города, как Герат, нет во всем населенном мире», — писал восторженно Захир-ад-дин Бабур в своих мемуарах. В Герате, по словам того же Бабура, каждый, кто занимался каким-либо делом, старался довести его до совершенства. В глазах гератцев того времени Самарканд был городом, чуждым культуре. Историк Абд-ар-раззак рассказывает, например, что поэт Ариф преподнес известному шейх-уль-исламу Бурхан-ад-дину, уезжавшему из Герата в Самарканд, стихи и рекомендовал взять их с собой, ибо «такого рода сладости трудно найти в Самарканде и Бухаре».²

Центральными фигурами культурного Герата были Алишер Навои и знаменитый персидский поэт, историк, философ и филолог Абд-ар-рахман Джамии. Вокруг Алишера Навои, образованнейшего человека своего времени в Средней Азии, группировались поэты, историки, художники, архитекторы и каллиграфы. Круг интересов самого Алишера Навои был очень широк. Как истинный просветитель, он одинаково близко интересовался развитием литературы, исторической науки, живописи и музыки. «Были при нем, — писал Захир-ад-дин Бабур, — хорошие художники и музыканты. Не было известно, чтобы когда-либо появлялись такие покровители и воспитатели людей науки и искусства, как Алишер-бек. Устад (мастер) Кул-Мухаммед, флейтист Шейхи и виртуоз на лютне Хусейн, которые были совершенны в музыке, достигли большого прогресса и известности с помощью бека (Алишера Навои). Устад Бехзад и Шах-Музаффар стараниями бека получили такую же славу и известность в живописи».³

Известный историк Мирхонд, автор многотомной всеобщей истории «Раузат-ас-Сафа» («Сад чистоты»), рассказывает, что Алишер Навои специально обратил внимание на то, чтобы он писал историю без излишних прикрас, не обременяя метафорами и аллегориями и не выписывая слов из чужих сочинений, чтобы в изложении соблюдалась ясность и чтобы автор держался середины между излишней подробностью и крайней краткостью. Эти замечания делают честь Алишеру Навои особенно в связи с тем, что в его эпоху принято было писать цветисто и туманно. В своих отношениях к окружающим поэтам Алишер Навои был в высокой степени тактичен. Даже в своей оценке поэта Бенаи, с которым он после ссоры был в явно недружелюбных отношениях, Навои, в первую очередь, отметил талантливость этого неуравновешенного поэта.

Еще при жизни Алишер Навои пользовался славой как первый поэт и ученый своего времени. Современник его, первоклассный поэт Захир-ад-дин Бабур, выделял «Хамсэ» («Пятерицу») и стихотворные диваны Навои:

¹ Так говорит Бабур; сам Алишер Навои писал, что он отправился в Самарканд учиться. — V e l i n. Notice biographique sur Mir Ali-Chir Néval. JA, V série, t. XVII, 1861, стр. 184. — Ср.: В. В. Бартольд. Мир-Али-Шир, сб. «Мир-Али-Шир», стр. 125.

² В. В. Бартольд. Улугбек и его время. Пгр., 1918, стр. 141.

³ The Babar-nama, ed. Beveridge, стр. 171a.

«Он (Алишер Навои) составлял стихи на тюркском языке. Никто столь много и хорошо не писал, как он. Составил он шесть книг месневи. Пять из них составляют ответ на „Хамсэ“, а одно, написанное размером „мантик ат-тайр“,¹ называется „Лисан-ат-тайр“ („Язык птиц“). Составил он четыре дивана газелей под названием „Достопримечательности детства“, „Редкости юности“, „Чудеса возмужалости“ и „Плоды старости“. Есть у него и хорошие рубаи, имеются и другие сочинения, которые в сравнении с упомянутыми ниже и слабее (pastraq va sustraq)».²

К более слабым сочинениям Навои Бабур отнес Муншаат — письмовник, составленный из переделок писем Джами, сочинение по просодии Mizan-al-avzan, и персидские стихи. Бабур не преминул отметить тут же ряд хороших сочинений Навои по музыке. Другой биограф Навои, Давлатшах, также ставил на первое место «Хамсэ» и четыре тюркских дивана.

Популярность Алишера Навои не померкла в Средней Азии и за ее пределами и после его смерти. Рукописи сочинений Навои переписывались и распространялись очень широко; с появлением литографий начали появляться и литографированные издания его сочинений. Интерес к творчеству Навои вызвал появление целого ряда словарей в Иране и в Турции, составленных преимущественно по его сочинениям.

Нельзя пройти мимо европейской критики творчества Алишера Навои. В середине прошлого столетия французский ориенталист, секретарь и переводчик французского консульства в Константинополе М. Белен и русский ориенталист, магистрант С.-Петербургского университета М. Никитский, независимо друг от друга, дали высокую оценку творчеству Алишера Навои. В последнее время французский ориенталист Е. Блошэ и, прежде него, известный русский историк Востока акад. В. В. Бартольд неожиданно низвели Алишера-Навои в разряд лишенных всякой оригинальности подражателей и переводчиков.

В своем отзыве о сочинениях Навои Блошэ писал, что они «не блещут воображением, не светят священным огнем вдохновения божественного искусства, а всегда ограничиваются пассивным подражанием великим поэтам, имена коих были прославлены в анналах персидской литературы».³

Столь же сурово звучит приговор В. В. Бартольда: «При Тамерлане и его потомках, — писал он в 1917 г., — были сделаны попытки создать поэзию на турецком языке, в подражание персидской; один из поэтов этой плеяды, Мир-Али-Шир, сделался любимым поэтом образованного класса турецких народностей от Тобольска до Константинополя. . . Однако поэзия Мир-Али-Шира была только подражательной; Мир-Али-Шир старался доказать, что турецкий язык ничем не хуже персидского, и для этой цели писал на турецком языке произведения вроде тех, какие были известны ему в персидской литературе, иногда под теми же заглавиями».⁴

Отзывы эти вызваны отнюдь не только тем, что «исследователям была известна зависимость Навои от персидских поэтов, но, в какой форме она выражалась, ими установлено не было».⁵ Это справедливо только отчасти, существо же дела заключается в том, что отзывы эти являются выражением архибуржуазной идеологической посылки о полной зависимости тюркских народностей от чуждых культур и влияний. Ради этого «тюркская культура вообще» противопоставлялась «иранской культуре вообще», независимо от реальных исторических условий.

¹ Известная поэма Ферид-ад-дина Атгара.

² Op. cit., стр. 170b.

³ Les enluminures des manuscrits orientaux turcs, arabes, persans de la Bibliothèque Nationale par Ed. Blochet. Paris, 1926, стр. 95.

⁴ В. Бартольд. Из прошлого турок. Отд. оттиск, Пгр., 1917, стр. 10—11.

⁵ Е. Э. Бертельс. Неваи и Атгар. Сб. «Мир-Али-Шир», Л., 1928, стр. 27

Неоспоримо то, что при Тимуре и тимуридах, в рамках обширнейшего государства, культура Средней Азии представляла собой синтез культурного наследия саманидской эпохи и культурных достижений отдельных «мусульманских областей» Хорезма, Хорасана и Мавераннахра; неоспоримо также, что господствующей идеологией в эпоху Навои была религиозная идеология, в религиозной оболочке протекала классовая борьба и в литературе, что не могло, разумеется, не найти отражения и в творчестве Алишера Навои. Для Алишера Навои мериллом служила та большая литература, которая была создана в Средней Азии на арабском и персидском языках — господствовавших литературных языках той эпохи.

Однако Алишер Навои далеко не был подражателем даже в тех случаях, когда он выступал с уже известными в литературе популярными сюжетами. В своем подражании «Хамсе» («Пятерице») великого азербайджанского поэта Низами (1141—1203) Алишер Навои, особенно в своих стихотворных романах «Фархад и Шарин» и «Лейли и Меджнун», использовал лишь популярные сюжеты. Алишер Навои был далеко не единственным поэтом, возвратившимся к этим сюжетам. Как в средневековой Европе повесть о Тристане и Изольде была известна во многих стихотворенных и прозаических переделках, так и арабская повесть о любви Меджнуна и Лейли на Востоке была излюбленной поэтической темой и много раз обрабатывалась. Такой же популярностью пользовалась и повесть о Хосров Парвизе и Ширин.

Под пером Алишера Навои роман «Фархад и Ширин» приобрел совершенно новый облик. Алишер Навои создал по существу новое произведение с новым содержанием, новыми драматическими положениями и образами Фархада, Хосрова и Ширин. Поразительна народность этого произведения Навои; оно перекликается с народным творчеством, и не случайно поэтому — ряд народных легенд о Фархаде и Ширин так близок к его стихотворному роману. Этим объясняется и большой успех новой, современной узбекской музыкальной пьесы «Фархад и Ширин», написанной по одноименному роману Навои.

Кроме своих стихотворных диванов, «Хамсе» и «Лисан-ат-тайр» («Язык птиц»),¹ Алишер Навои оставил большое число других стихотворных и прозаических произведений, из которых наибольшей популярностью и признанием пользуются его Маджалис-ан-нафаис («Изящные собрания») Махбуб-ал-кулуб («Возлюбленная сердец»), Мухакамат-ал-лугатайн («Спор двух языков») и упоминавшееся уже сочинение по просодии Мизан-ал-авзан.²

В восьми частях «Изящных собраний» (у Белена «Galerie des robes») Алишер собрал ценнейшие сведения о поэтах предшественниках и современниках с выдержками из их сочинений, благодаря чему сохранились данные о так называемой чагатайской литературе XV в. и о многих поэтах, сочинения которых не дошли до нас. Отрывки из введения и седьмой части «Изящных собраний» помещены были Беленом в его статье о Навои.³

Во многих отношениях замечательна книга Алишера Навои «Возлюбленная сердец», построенная в том же плане, как и знаменитый «Гюлистан» Са'ди. В первой части «Возлюбленной сердец» идут рассуждения о сановниках, духовенстве, купцах, медресе, ремесленниках, крестьянах

¹ Об этом сочинении в сопоставлении с источником см.: Е. Э. Бертельс, *op. cit.*, стр. 24 и сл.

² Точное число сочинений Али-Шира Навои и их названия не установлены окончательно. В различных источниках перечисляются от 19 до 27 его сочинений. Ср. список и указание на литературу в статье А. А. Ромаскевича «Новый чагатайско-персидский словарь» (сб. «Мир-Али-Шир», стр. 88—89).

³ Notice biographique et littéraire sur Mir Ali-Chir Névai. *JA*, V série, t. XVII, 1861, стр. 239—242; 247—256.

и т. д., во второй части о похвальных и дурных свойствах, в третьей собраны поучительные рассказы и афоризмы. Афоризмы Алишера Навои проникнуты глубокой мудростью. Приведем некоторые из них: «Украшением для мужа является мудрость и знание»; «Изучающий науку, но не претворяющий ее на деле, подобен выкопавшему кяриз, но не посеявшему семян, или посеявшему семена, но не получившему пользы от урожая»; «Знай, что тот кто приготовился говорить о вине народа, готовится открыть свою вину»; «Имущество, — это то, из чего народ получает долю; если же и враг пользуется им, то (следовательно) равны яд и целебный напиток»; «Не доставляй другу печального известия, заверяя, что оно истинно»; «Если кто-либо ошибается, не бей его в лицо»; «Правдивое слово авторитетно, хорошее слово кратко»; «Всяк, говорящий ложь, устыдится, как только его ложь обнаружится»; «Много болтающий — надоедлив, повторяющий одно и то же — сумасшедший».

Уже выражалось сожаление, что это сочинение Алишера Навои не переведено; более или менее подробные данные о нем сообщаются единственно в статье упоминавшегося уже Белена.¹

Наибольшей известностью пользуется «Спор о двух языках» Алишера Навои. В «споре» Алишер Навои выступил против писателей, умалявших значение писателей и поэтов, которые писали на среднеазиатско-тюркском языке. Указывая на сочинения своих соотечественников, он выступает в защиту родного языка и его достоинств как литературного языка. Навои отдает должное поэтам-соотечественникам и из всех среднеазиатских поэтов XV в. выделяет Лутфи. «Со времени Хулагу, — заявляет Навои, — и благополучнейшего Тимура и до конца жизни его достойного сына Шахруха появлялись поэты, которые писали по-тюркски, (в том числе) и султаны из их детей и потомков с поэтическим дарованием. Это — поэты, подобные Секкаки, Хайдеру Хорезми, Атаи, Якыни, Эмири и Гадаи. Но не было никого, кого можно было поставить рядом с персидскими поэтами, кроме одного Маулана Лутфи, у которого есть ряд стихов достойных, чтобы прочесть их перед людьми с поэтическим вкусом».²

В эпоху Навои господствующими литературными языками были арабский и персидский. Он одним из первых горячо выступил в защиту родного языка. Он стремился, может быть, несколько наивно с точки зрения современной языковедной науки, доказать превосходство родного языка перед персидским ссылками на словарное богатство, многообразие и гибкость грамматических форм родного языка. Предпочтение персидскому языку оказывалось, по мнению Навои, в силу его легкости.

В этом полемическом сочинении уже престарелого писателя справедливо видели выступление патриота. «Али-Шир Навои, — писал его европейский биограф Белен, — положил начало патриотизму, прибегнув к национальному языку „тюрки“ (т. е. среднеазиатско-тюркскому языку, — А. Б.), неоспоримо и неопровержимо утвердив его».³

Алишер Навои по праву может быть назван основоположником литературного языка, который лег в основу развития узбекского литературного языка.

Подлинно научному и всестороннему изучению творчества Алишера Навои положит начало предстоящий в 1941 г. юбилей пятисотлетия со дня рождения этого великого узбекского писателя.

¹ *Moralistes orientaux. Caractères, maximes et pensées de Mir Ali Chir Névai par M. Belin. JA, VI série, tt. VII, VIII, Paris, 1866.*

² *Muhakamat-al-luqatajn*, по изд. Катрмера, стр. 32.

³ *Notice biographique sur Mir Ali-Chir Névai. JA, V série, t. XVII, стр. 222.*